

Лу Цзин
**СИМВОЛИКА ЦВЕТА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА**

Белорусский государственный университет, г. Минск;
723311545@qq.com;
науч. рук. – Т. А. Морозова, канд. филол. наук, доц.

В статье осмысливается символическая целостность творчества А. Блока. Анализ символики, в частности, колористической, призван дать компактную картину творчества поэта на фоне исторической неопределенности начала XX в. и последующей судьбы России. Такой подход мыслится как альтернатива биографическому методу анализа и академическому формату «периодизации творчества».

Ключевые слова: символ; символизм; символика; аллегория; цвет; образ; символическая целостность; символическое восприятие; София.

Александр Александрович Блок (1880–1921) – мастер выразить мгновение, всеобъемлющую суть того, о чем он, автор, хотел сказать. Русские иногда говорят: «Если знаешь точно, что хочешь сказать, то скажешь это хорошо». Можно перефразировать: если чувствуешь остро и живо, сможешь выразить это кратко и ярко. Именно здесь, на наш взгляд, исток приверженности Блока символистскому пути творчества.

Многие, знавшие поэта лично, оставили о нем воспоминания и заметки, обзоры и комментарии стихов (З. Гиппиус, С. М. Соловьев, Г. И. Чулков, Ф. А. Степун и др.), но, по признанию современников и более поздних исследователей, ближе всех к «разгадке» поэта был его близкий друг, поэт и писатель Андрей Белый. Поэтому здесь мы опираемся в основном на его критические работы.

А. Белый говорил: чтобы понять Блока, нужно понять связь стихов о «Прекрасной Даме» (1905) с поэмой «Двенадцать» (1918) [1, с. 105]. Будем следовать указанному направлению, поскольку именно в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» мы обнаружили ключевые символы, запечатлевшие душевную драму Блока и ее связь с историческими потрясениями России.

Блок остро осознавал свой век как начало всего нового и лучшего, что и выразил в знаменитом словосочетании «эпоха зорь». Это – лейтмотив сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (1905):

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.
Не сердись и прости. –
1901 г.

«Эпохе зорь» соответствовала особая цветовая канва стихов, или, если так можно сказать, *цветопись словом*. Преобладающие цвета стихов А. Блока начала века – розовое золото, нежные краски восхода: «Как ясен горизонт! / И лучезарность близко...» («Предчувствую тебя», 1902), «Ты лазурью сильна...» («Не сердись и прости», 1901).

«Прекрасная Дама» и соответствующие «производные» «женские» символы (Дева, Снежная Дама, Заря, Вечно Юная...).

А. Белый называет ее «первообразом» [1, с. 105] стихов Блока и его Музой, сравнивая, прежде всего, с символическими образами поэзии Вл. Соловьева (образ Софии-Премудрости), Гёте (Гретхен) и Данте (Беатриче). Согласно Вл. Соловьеву и Блоку, отвлеченная, абстрактная *философия* (Гегели-Канты) умерла, зато *София* (Мудрость), живая когда-то для древних философов, снова приближается к человеку, соединяется с ним, призывает его, заключает Союз с ним, ждет его активной позиции в отношении мироустройства и личного жизнотворчества.

Поэтому образ Прекрасной Дамы тесно связан с переживанием «эпохи зорь». Заря, восход – не потому только, что сам поэт еще очень молод, даже юн, и даже не потому, что он, как все, чутко реагирует на смену столетий и на грядущие в России перемены. Восход, прежде всего, – в приготовлении себя соответствовать тому, что Вл. Соловьев обозначил как обновление Завета – Союза человека и Бога при посредничестве Софии – Высшей Мудрости.

Сначала Блок никак не именуется свой «первообраз», это просто «Она» («Ты»): «Ты – лучезарное виденье...», «И Ты вдали...», «Я ждал Тебя...». Лишь потом возникает более или менее явственное обозначение: «Явись ко мне без гнева, / *Закатная, Таинственная Дева*» («За городом в полях весною воздух дышит...», 1901). В последующих стихах «Дева» постоянно является в «лазурных» (голубых) цветах, светится золотом, окружена цветами роз – с этого времени читатель и начинает соотносить «Ее» с иконописным образом Софии и, как следствие, с «Вечной Женственностью» у Вл. Соловьева: «Знайте же, Вечная Женственность ныне / В теле нетленном на землю идет...» [2, с. 121].

Чернота («Страшный мир»)

Стихи 1904–1916 гг., после «лучезарных» предшествующих, полны этим символическим цветом. Черный – цвет отсутствия света, цвет тоски, предвидения страшного: «Бегал черный человек», «черный человечек плачет», «у вас было черное... платье», «черный кто-то», «ходил я в черном фраке», «под копытом чернела вода», «в черной воде отраженье неслось», «черная ночь... увлекла» и т. д. Здесь же и все «производные» черноты (или ее производящие?) – тени, мрак, сумерки, мгла, ночь... В годы «черных стихов» – сборники «Город» (1904–1908) и «Страшный мир» (1908–1916) – Блок отошел от «кружковой» творческой жизни, много времени проводил в кругу близких, подолгу бродил по самым непарадным местам Петербурга (рабочим окраинам, бедным переулкам), на пустынном берегу Финского залива часто наблюдал закаты (как бы нарочно в противовес ушедшему времени «зорь»).

Краски стихов этой поры, когда они не «черны» и не сумрачны, – откровенно резки: «Край неба распорот, / Переулки горят...» [3, т. 2, с. 248]. И, однако, даже в этой мрачной или резкой цветовой перспективе звучит порой прежний пафос пророческого поэтического служения Заре, Весне, Будущему:

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей выются пряди,
Искры на мече.
Белый конь, как цвет вишневый,
Блещут стремяна...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна...

[3, т. 1, с. 319–320]

Ночная фиалка

А. Белый вспоминает, как в один из дней 1905 г. в Москве Блок поделился с ним «удивительным, очень важным внутренним узнаньем», которое связывалось «с темно-лиловым цветом и сильным запахом фиалки». Именно так были окрашены новые вызревшие внутренние видения поэта. Зная, что А. Белый увлекался теорией цвета, Блок попросил его «расшифровать» этот фон («Что такое фиолетовый цвет?»). А. Белый смутился, потому что для него фиолетовое было смесью черноты с тремя, в его восприятии, священными красками: белым, лазурным и пурпурным. В христианстве черное – цвет преисподней (могилы, ада, царства дьявола); три других, «священных», – напротив, цвета Жизни (цвета Божественные, цвета Лица Христова). Соединение черноты

с Божественным – верх парадоксальности, которая пугает. Пока А. Белый искал слова, чтобы не обидеть Блока своим толкованием, тот прочитал ему стихотворение «Ночная фиалка», где попытался выразить свое новое ощущение «цвета времени» и – облика России [1, с. 192–193].

Согласно сюжету, в час «лилово-зеленых сумерек» по тропке через болото поэт попадает в старинную избу, где встречает «некрасивую» девушку, которую когда-то как будто бы видел (намек на потускневший образ Дамы). Кругом девушки в избе – спящие воины земли русской, в беспорядке их снаряжение, и спят они так давно, что меж них уже «пробивается бледная травка».

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной...

Каким-то непостижимым образом спящий (при одной бодрствующей «некрасивой» девушке) болотный мир воспринимается поэтом как та самая «страна зорь», которую он предчувствовал и воспевал когда-то. На данный момент «страны» нет («вот рассыпался меч, дребезжа...»), но стих, звучащий как былина, хочет сказать о Радостном:

Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.
А Ночная Фиалка цветет.

[3, т. 2, с. 26–34]

Толкование, которое не решился предложить А. Белый, оказалось бы и не к месту. В картинке призрачного мира фиолетовый цвет имеет значение, в первую очередь, не как смесь цветов (хотя и это есть), а как целостный образ Радости, но только она пока еще в Ночи, в дреме сна и неопределенности. Ночная Фиалка и есть символ этой «Нечаянной радости» (название сборника 1907 г.). Радость – Нечаянная, потому что ее уже и не чаяли (не ждали), захваченные негативными настроениями, связанными с личной и общественной жизнью (разлад с любимой женой, монархическая реакция после Революции 1905 г.).

Вывод. Преобладающая образность стихов Блока на протяжении всей его творческой жизни – это символическая целостность. Каждый символ связан

с остальными: либо продолжает и дополняет их, либо обозначает поиск альтернатив обратному осуществлению исходного – «эпохи зорь», надежды на новый век. Символы позднейших сборников будут знаменовать трагическое завершение судьбы Блока и его поколения, не встретившего свою Зарю.

Библиографические ссылки

1. *Белый А.* О Блоке / вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А. В. Лавров. Москва: Автограф, 1997.
2. *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы / вступительная статья, составление и примечания З. Г. Минц. Ленинград: Советский писатель, 1974.
3. *Блок А.* Собрание сочинений: в 8 т. Москва-Ленинград: Гослитиздат, 1960–1963.